31.03.93

Никита ДЖИГУРДА:
"БУДУ ИГРАТЬ ПО ЧУЖИМ ПРАВИЛАМ, НО РАСКРУЧУСЬ!"

В начале восьмидесятых приехал из Киева и с чемоданчиком и гитарой прямо к Любимову, на Таганку. Спел под Высоцкого. Но, видно, уже тогда чем-то отличался от прочих подражателей-продолжателей, коль Учитель посоветовал пойти к Рубену Симонову, который как раз набирал курс в Театральном.

Гитару студент не бросил. Наоборот, с ней испытал все свои самые большие победы и поражения. В конце 80-х стали появляться на рынке звукозаписи пленки — «Никита Джигурда». Вначале возникла путаница, потому что уже был известен другой Джигурда — Сергей [сейчас ему 36]. Оказалось, что Сергей, тоже актер, поэт, бард, — старший брат Никиты.

И все-таки пленками, пусть записанными даже под хрип Высоцкого, сегодня никого не удивишь. Никита в последнее время явно активизировался. Заиграл в футбол в команде эстрадных звезд, стал появляться в сборных концертах, всплыл в роли балагура-ведущего лотереи «Час Фортуны». Добрался-таки и до Питера...

— В Петербурге многие ждали вас с бардовским концертом, с театральными спектаклями, но Джигурда появился в компании эстрадных звезд в «Октябрьском»...

— Дело не в том, что я хочу предаться веселью, и не в том, что я переметнулся в стан врагов. Просто я пишу лирические песни. Только что выпустил лазерную пластинку «Лунная женщина» с десятью лирическими композициями.

Сам выпустил, за свой счет. Тиражом три тысячи. Взял ссуду плюс вложил свои деньги. Презентация этого Си-Ди обошлась мне в четыре миллиона по ценам на конец декабря 1992-го.

— Где же была презентация? В Штатах, в Европе?

— На Красной площади... В здании ГУМа, оказывается, есть шикарный маленький зал на двести пятьдесят мест с отличной аппаратурой. Телевидение снимало это действо, обещая показать 8 Марта (программа в эфир не вышла. — Прим. М. С.).

Но в Питер я приехал не просто с лирическими песнями в эстрадной тусовке, а в футбольной команде звезд, на дни памяти Вити Резникова.

К эстраде же я стал иметь отношение, пожалуй, после гибели Игоря Талькова. Раньше ведь я давал с гитарой бардовские концерты, но конкуренция оттеснила бардовский жанр, сделала его элитарным. Это все время подстегивало меня: нужно что-то предпринять, чтобы донести свои мысли, свою правду до миллионов людей. Игорь Тальков стал для меня указателем.

— Однако он-то шел наоборот — от канонической советской эстрады, работал с Сенчиной, пел в «Электроклубе».

— Но Игорь первым нашел золотой сплав, когда в яркую, заводную, эстрадную форму вкладывается совершенно иная идея. Вот что подтолкнуло и меня на эстраду! Потому что до сих пор мертвым грузом лежат на телевидении мои отснятые концерты в бардовском варианте «Ленинианы, стоп!» 89—91-х годов. Изредка покажут отдельные, самые безобидные, песни, и никакой надежды, что ситуация изменится к лучшему. Скорей наоборот — цензура принимает все более изощренные формы.

— Почему бы вам не уехать на Запад и там не продолжать свое любимое дело, не меняясь, не подстраиваясь? Возможно, резонанс от ваших песен был бы даже большим...

— Да, Шуфутинский, Токарев приезжали оттуда национальными героями. Выступали в лучших залах тогда, когда мои концерты здесь запрещались. Я думал о варианте «уехать», но все-таки решил попытаться сделать здесь то, что велит мне совесть, пусть даже пойдя в обход.

— Никита, неужели столь большое значение имеет для вас песенный жанр? Вы ведь профессиональный актер, снимаетесь в кино...

— Но чтобы высказаться до конца, мне не хватает театра, ТВ, кино, поскольку я там даже не вторичен, а третичен. Сценарист, режиссер и потом только я...

— Считаете ли вы себя талантливым музыкантом?

— Никогда не назову себя музыкантом, потому что музыка для меня была помощью, средством в борьбе с ленинизмом, большевизмом, коммунизмом. Я просто пишу стихи и кладу их на ритмический рисунок.

Я вырос на песнях Окуджавы, Высоцкого, Галича и в свое время пытался соединить надрыв Высоцкого, открытость Галича, лиризм Окуджавы. Много ездил по стране, много записывался на магнитофон, но все равно думал о других масштабах.

И в «Лунной женщине» мы с Владиславом Петровским, музыкантом группы Стаса Намина, сделали профессиональные эстрадные аранжировки, чтобы с помощью этих песен я смог бы наконец прорваться, чтобы со мной считались, не вырезали бы отовсюду.

— Господи, ну что сегодня можно не пропускать — хриплый голос, манеру исполнения?

— Ну, например, есть у меня шуточная песенка, где мои герои видят туалетную бумагу, на которой изображен Буш (Клинтон). Восхищены: «Вот, бля, настоящая свобода-то где! А мы, что ж мы?!». Даже в запой входят оттого, что мы такие несвободные. А потом вылезает один из героев из туалета с «Известиями» в руках, а там:

«Портреты на газете парламентских чинуш / А среди них тусуется наш самый главный муж / Послушай, — молвил Петя, — давным-давно у нас/ Обычною газетой трет зад рабочий класс / А значит демократия свободой спасена / И мы теперь от Штатов не отстанем ни хрена».

— Какой же вердикт выносится вашему творению?

— Грубо, пошло.

— Но ведь, действительно, не очень эстетично, да и свежестью образа не пахнет...

— Пусть грубо, но почему Токарева можно показать, когда он выходит и поет: «Найди ты негра двухметрового/ Был бы бык, будет и корова», и это будет нормально. У меня же все подчинено борьбе с системой.

— Но от системы и так остались рожки да ножки!

— Я не могу успокоиться, потому что суд над КПСС был театральным действом режиссера Зорькина и закончился в пользу компартии! Почему закрыли глаза на то, что Ленин был германским шпионом, что партии большевиков дали миллиард марок, почему памятники Ленину до сих пор натыканы всюду, а сам он лежит в Мавзолее на центральной площади страны?!

— С вашим «указателем» Игорем Тальковым вы были знакомы?

— Несколько раз пересекался на концертах. Тут ведь вот какая штука: есть волки-одиночки. Можно все время мечтать о друге, но в реальности все равно эти люди пытаются прорваться в одиночку. Хотя... Бывают моменты прозрения. Уход Высоцкого, уход Игоря — все это подхлестнуло многих задуматься: ради чего живу, что могу сделать? И пошла волна других песен, другого кино.

— Тальков... Тальков... А ведь при жизни Игорь суперзвездой не был. Так — популярный исполнитель...

— Конечно! Именно так! Что такое вообще — звезда? Все очень просто. Мы недавно с Юрой Лозой говорили на эту тему, да к нам многие присоединятся. Любую песню, самую нешлягерную, прокрутите в месяц тридцать-сорок раз по ящику — и все! И люди уже запомнят этого исполнителя, эту песню. Западная массовая культура доказала, что звезд делают, что не так важна личность, стержень, важней реклама, огромные деньги. Тем ценнее люди, которые умудряются прорываться без шквала рекламы, без сумасшедших «бабок».

— Подождите, Никита, есть нынче такой Ефрем Амиранов, которого крутят по тридцать раз, но что-то звездой он не стал.

— Значит, недостаточно крутят. Еще чуть-чуть прибавят, и все будет о'кей! И это не худший вариант — Амиранов. Ведь выходит откровенная пошлость и властвует на всех ТВ-каналах. И — о, боже! — толпа рукоплещет.

Что же ТВ-начальство, куда смотрит? Если хотите возродить Россию, вернуть Бога в души людей, — делайте что-нибудь! Ан нет. Потому, что управляют нами до сих пор коммунисты, потому что все это игра, мишура, и, к сожалению, эстрада нынче опять — поп-са, развлекуха.

— Я просто поражаюсь, как у вас в голове все переплетено! Далась вам эта политика! Кому как не эстраде предназначено развлекать.

— Игорь хорошо говорил: «Есть гласность, а есть свобода слова». Свобода слова — это когда можно показать все. Все, что художник считает нужным дать, — пусть зрители разберутся. Кроме насилия, порнографии, призывов к войне. Но у нас одним жанрам отдается все, а другие в загоне. «Достоверно о всех музыкальных стилях и направлениях», — каждую пятницу вещает Ваня Демидов в «Муз-Обозе», но сам показывает только попсу, только развлекуху.

Я политикой занимаюсь вынужденно. Прекрасно понимаю, что все это закончится. Ну год, два, три, пять... И наступит время для искусства. Тогда с головой окунусь в театр.

— Вы ведь и сейчас играете в «Романе о девочках» у Марка Розовского.

— Разовые спектакли. Я — всюду и нигде. Свободный человек, сам себе выбираю работу. Играю у Розовского, могу играть у Евгения Рубеновича Симонова, моего учителя, в чеховском «Медведе». Могу сниматься в кино, ездить на концерты. Меня никто не может заставить делать то, чего не хочу, даже ради денег.

— Извините, конечно, но что вас тогда подвигло на роль телеведущего в лотерее «Час Фортуны»? Многие ваши поклонники расценили это телодвижение как предательство...

— Предательством было бы, если бы я заявил: «Коммунистическая партия — хорошая партия и там вообще классные ребята, классные мужики!» А «Час Фортуны» для меня компромисс.

Раньше я был бескомпромиссным человеком, шел на площадь, пел песни, читал свои стихи, а меня за это исключали из института и прятали в дурдом.

— Надолго прятали?

— Если бы надолго, я бы сейчас был в другом месте. Все обошлось двумя неделями, в течение которых я получал по семь уколов тренквилизатора в день. Я совершил побег. В наказание добавили такое серое абрикосовое масло, которое вводят в ягодицу, и оно, застывая, вызывает температуру под сорок, затвердевает так, что к этому месту нельзя прикоснуться. Малейший шлепок санитара — адская боль, тебя превращают в скота.

«Час Фортуны» — мой компромисс, потому что мои социальные программы не показывают по ТВ, потому что я устал от концертов. Плююсь после концертов кровью, глотку рву вживую, не под фанеру, и так в течение пяти лет подряд.

— И все же трудно представить ваших кумиров Высоцкого или Талькова, чтобы они прославляли в эфире суперприз — четырехкомнатная квартира, полностью меблированная, с обоями...

— Между тем трудно представить Высоцкого в экстравагантном костюме, танцующего на сцене и поющего социальные стихи под модные ритмы, а вот Тальков в этом был естественен. Я не могу не считаться со временем и с теми препонами, что ставятся именно сейчас. Я сам пошел на это. Миллионы людей даже не знали, что есть такой Никита Джигурда, и, может быть, я ставил такую цель — прорваться через этот «Час Фортуны» в качестве ведущего, а потом уже пойти дальше.

— Вам за «Час Фортуны» не дали квартиру, зная, что Джигурда с женой-актрисой живут в тватральном общежитии?

— Не дали, но в кинофильме «Ермак», где я играю Ивана Кольцова и снимаюсь два года, я получил много меньше, чем за «Фортуну».

— Съемки в «Ермаке» происходят не в павильоне?

— Все натурально. Я бился, выламывал себе руки, мерз, заработал язву желудка. И только деньги от «Фортуны» позволили мне сесть в студию, записать тот самый лирический альбом, не мотаться по тусовочным гастролям. Я отдавал себе отчет, что ни Высоцкий, ни Тальков не пошли бы на это, но в реальной жизни все сложней. У Высоцкого, например, была Марина Влади, которая могла его оберегать...

— Я теперь понимаю, что недавняя телевизионная передача, творческий портрет Никиты Джигурды, была лакировочной. На телезкране ведь многие люди говорили о вас теплые слова, потом вы сами что-то пели у березок...

— Мечтаю на телевидении сделать сам о себе передачу. В чем ведь парадокс — обо мне делают передачу добрые люди, я им благодарен, но к монтажному столу они меня не подпускают, отснятый материал не показывают. Назвали передачу «Обратная сторона медали», как будто меня все уже знают с моей главной стороны. Передача вышла по Российскому ТВ, мне даже знакомые звонят: «Старик, классная программа!» А я в печали. Сейчас поеду в Барнаул, где люди, видимо, живут в информационном и духовном голоде, раз предложили мне снять шестичасовую программу, которую бы я «пас» от начала до конца.

Заметьте, опять выбираю неконфронтационный путь. Чего проще — дать интервью Радио «Свобода», «Би-Би-Си», но я через все это уже проходил и убедился, что насилие лишь рождает насилие. А я хочу найти свой путь. У меня ведь довольно крутая точка отсчета. Мы на устном выпуске «Взгляда» с Андреем Дмитриевичем Сахаровым в парке Горького выступали: он на записки отвечал, я пел. И тем не менее я буду играть по чужим для меня правилам, но добьюсь своего, раскручусь! Все еще будет.

В следующем году мне будет 33. Я ставлю на эту цифру. В мои 33 года все будет совершенно по-другому, хотя петь я буду свои песни, ничего принципиально не меняя.

— Есть ведь и еще один путь, Никита! В России дефицит секс-символов...

— В России секс-символом нынче является Богдан Титомир, что зафиксировано опросами социологов. От этого у меня крыша едет! Как к профессионалу, который делает свое дело, у меня к нему нет вопросов. Но когда Богдана признают секс-символом российской молодежи, я понимаю, что это говорит об уровне нашей массовой культуры. Когда вся страна балдеет от мексиканского телесериала двенадцатилетней давности, и Марианна становится национальной героиней, то это тоже говорит о нас с вами. Значит, в России массовая культура стоит на уровне Мексики двенадцати лет назад. И выходя на эстраду, в кино, я одной из своих задач ставлю как-то поднять этот уровень.

— Стать-таки секс-героем?

— Приподнять планку. Не было еще ни одного фильма, где бы мне разрешили делать на экране то, что хочу. А в фильме «Черный шарфик, или Счастливое Рождество в Париже» вообще ничего не осталось, что мы делали с актрисой Аликой Смеховой. Получилось, мы как бы и не знакомы, а фильм для коммерческой раскрутки назвали «Банда лесбиянок». Вот и соревнуйся после этого с Микки Рурком.

Фото Александра БЕЛЕНЬКОГО